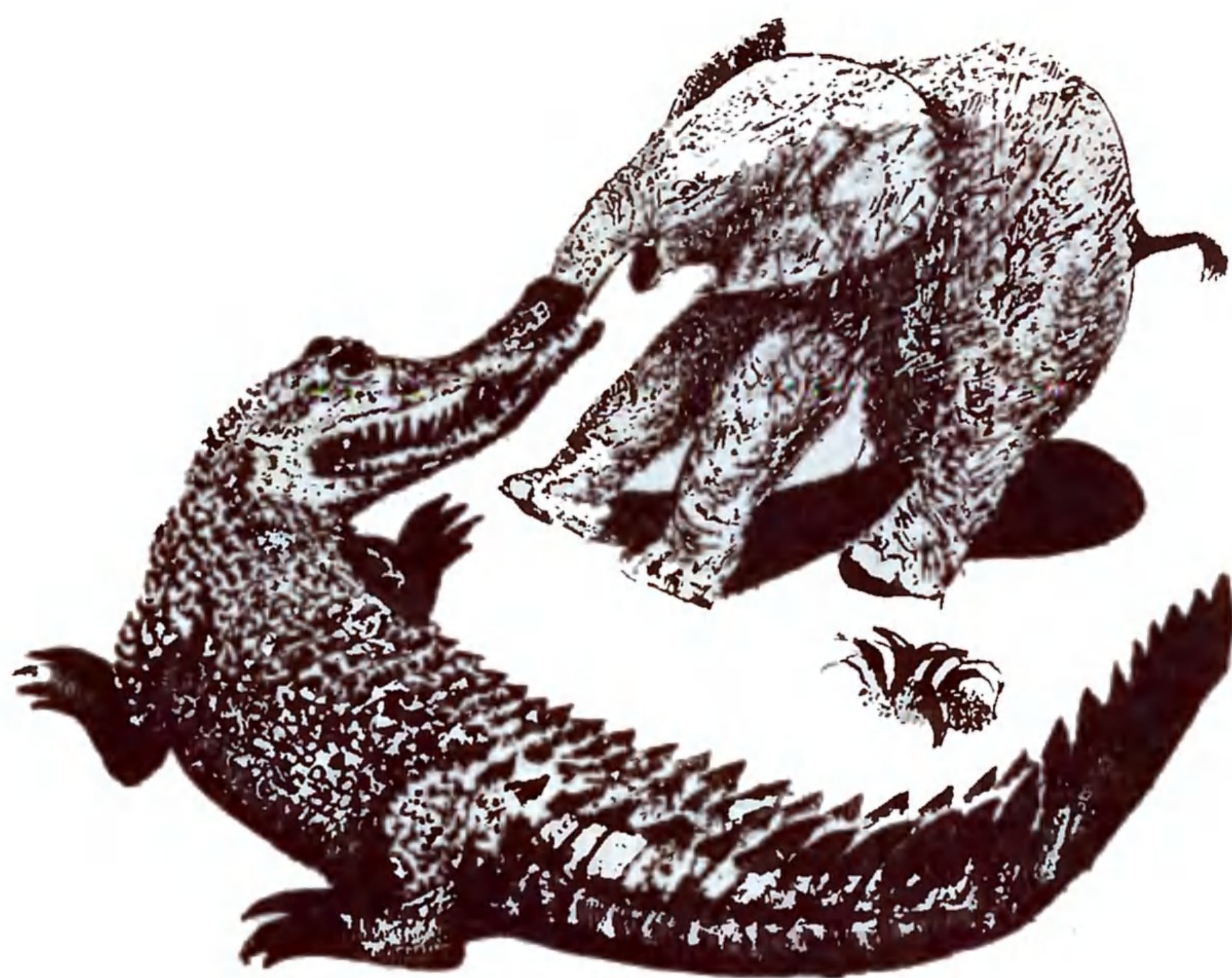

Р. КИПЛИНГ

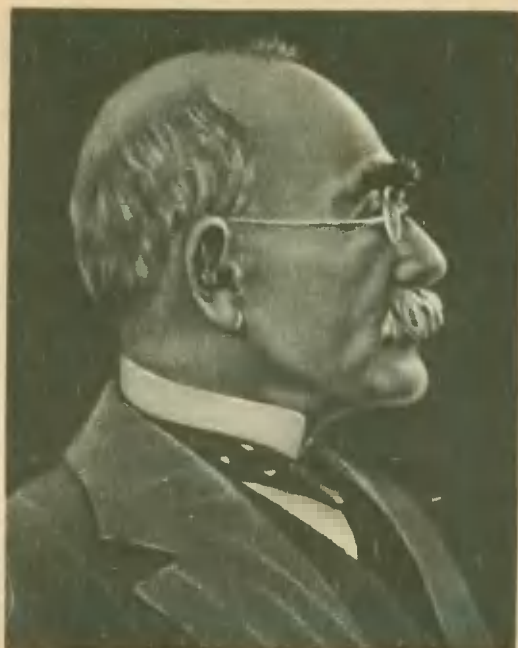

СЛОНЁНОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Р. КИПЛИНГ

СЛОНЁНОК

Сказки

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1977

*Перевод с английского
Корнея Чуковского*

РИСУНКИ В. КУРДОВА

Редьярд Киплинг (1865—1936) — известный английский писатель.

Среди юных советских читателей особенной популярностью пользуются повесть Киплинга «Маугли» — о жизни человеческого детёныша среди зверей — и «Сказки».

«Сказки» — это своеобразный ответ писателя на бесчисленные детские вопросы «почему?» и «отчего?». В них Киплинг с лукавым юмором рассказывает о том, как появился у верблюда горб, почему у кита узкая глотка, отчего леопард стал пятнистым, откуда взялись броненосцы.

Одна из самых знаменитых сказок — «Слонёнок». Она про то, как у слонов появился хобот...

Киплинг Р.

К 42 Слонёнок. Сказки. Пер. с англ. К. Чуковского.
Рис. В. Курдова. Л., «Дет. лит.», 1977.

32 с. с ил. (Школьная б-ка. «Читаем сами»).

Сказки английского классика «Слонёнок» и «Откуда взялись Броненосцы» в переводе К. И. Чуковского.

И(Англ.)

СЛОНОНОК

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слононок, который был страшно любопытен и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая

тётка Страусиха давала ему за это тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дядьке Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядька Жираф давал ему за это тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глаза, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за это тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядьку Павлиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядька Павлиан давал ему за это тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумака от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой ещё никто никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумачи.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к терновнику и сказал птичке Колоколо:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дядьки колотили меня за несносное

моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать: что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо, печально и горько всхлипывая:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, где растут ядовитые деревья, которые нагоняют лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующий же день, когда от равноденствия ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зелёных хрустящих дынь, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родственникам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо. Там растут деревья, они нагоняют лихорадку, и я узнаю-таки, что кушает за обедом Крокодил.

И родственники ещё раз хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно любезно просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем.

Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался

дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, как говорила птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, был Двуцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какого-то утёса.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — с сердцем переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашёл о чём спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слонёнок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слонёнок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядька колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядька, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попросился с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше. Хотя его порядком потрепали, он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал их поднимать? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это был крокодил. И мигнул Крокодил одним глазом — вот так.

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво) отступил назад, потому что новые тумачи не привлекали его.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это нужно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядька Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядька, мохнатый Павиан,

колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он заплакал крокодиловыми слезами, чтобы показать, что он и вправду Крокодил. Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, поскорее: что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, малютка, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был нисколько не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил, и он сказал это сквозь зубы, вот так, — мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет молодой Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде бедя, бде очедь больдо!
(Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, кинулся со скалы и сказал:

— Если ты, мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие

твоего разговора с этим кожаным мешком, — так он величал Крокодила, — ты попадешь туда, в ту прозрачную струю...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуться назад. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, ударами своего хвоста и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. И Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался у Слонёнка нос, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но!

И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиной:

— Довольдо! Оздавьде! Я больше де богу! (Довольно! Оставьте! Я больше не могу!)

Услыхав это, Двуцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задней ноги Слонёнка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько воз-

можно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой, — так величал он Крокодила, — хочет испортить твою будущую карьеру...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слононок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слононок и Двуцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить носик Слононка — Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слононок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двуцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, хотя, право, ему было не до того: надо было поскорее заняться вытянутым носом — обернуть его холодноватыми листьями бананов и опустить в воду сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста, — сказал Слононок, — нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слонёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли у него нос короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми. Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашный хобот — точь-в-точь такой, какие есть у нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот, хлопнул хоботом муху — и убил её насмерть.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним, булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним, булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так, — сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной,

мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову. Ил расквасился мокрой лепёшкой, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе и третья выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним, булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Извините, пожалуйста, — сказал Слонёнок, — но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас, — сказал Слонёнок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родственникам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом. Захочется ему сладких плодов — он срывает плоды прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало.

Мухи докучают ему — он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце — он опустит свой хобот в реку — и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно

ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот у него звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстяка Бегемота, хорошенько отколотить его и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемота, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, — потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой, к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за несносное твоё любопытство.

— Эх, вы! — сказал Слонёнок. — Много вы смыслите в тумачках! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами! — закричали они. — Где это ты так наострился и что у тебя такое с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, — сказал Слонёнок. — Я за-

вёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядька Павиан.

— Пожалуй, — сказал Слонёнок, — но полезный!

И он схватил волосатого дядьку Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул его в осиное гнездо.

И так разошёлся этот гадкий Слонёнок, что отколотил всех своих милых родственников. Бил он их, бил, так что им жарко стало. Те выпучили на него глаза от изумления. Он выдернул из хвоста у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядьку Жирафа за заднюю ногу и поволок его по терновым кустам; с гиканьем стал он пускать пузыри прямо в ухо своей толстой тётке Бегемотихе, когда та дремала в воде после обеда; но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родственники — кто раньше, кто позже — отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на людей лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу. Вернувшись, родственники уже больше не дрались, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ БРОНЕНОСЦЫ

Милый мальчик, я опять расскажу тебе сказку о Далёких и Старинных Временах. Жил тогда Злючка-Колючка Ёж. Жил он на мутной реке Амазонке, ел улиток и разные разности. И была у него подруга, Черепаха Неспешная, которая тоже жила на мутной реке Амазонке, ела разные разности и зелёный салат. Всё шло хорошо, не правда ли, милый мальчик?

Но в ту же самую пору, в Далёкое и Старинное Время, жил на мутной реке Амазонке Расписной Ягуар. Он ел всё, что ему удастся поймать. Не удастся поймать оленя — он съест обезьяну; не удастся поймать обезьяну — съест лягушку или таракашку. А уж если нет ни лягушек ни таракашек — он идёт к своей мамаше Ягуарихе, чтобы та объяснила ему, как нужно ловить черепах и ежей.

Изящно помахивая грациозным хвостом, мамаша часто наставляла его:

— Если, сынок, ты найдёшь Ежа, скорее швырни его в воду. Ёж сам собою развернётся в воде. А если найдёшь черепаху, выцарапай её лапой из панциря.

И всё шло хорошо, мой милый мальчик.

Была прекрасная ночь на мутной реке Амазонке. Расписной Ягуар увидел, что под стволом свалившегося дерева сидят рядышком Злючка-Колючка Ёж и Черепаха Неспешная. Спасти бегством они не могли, и вот Злючка-Колючка Ёж свернулся шаром, потому что иначе он не был бы Ёж, а Черепаха Неспешная втянула ноги и голову под свой панцирь, потому что она была Черепаха.

Всё шло как следует, милый мой мальчик, не правда ли?

— Слушайте меня внимательно! — сказал Расписной Ягуар. — То, что я хочу вам сказать, имеет для вас большое значение. Моя маменька учила меня, что, если я увижу Ежа, я должен швырнуть его в воду, и тогда он сам собою развернётся, а если я увижу Черепаху, я должен выцарапать её лапой из панциря. Но кто же из вас Черепаха, а кто из вас Ёж, — клянусь моими пятнами, не знаю!

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросил Злючка-Колючка Ёж. — Уж не напутал ли ты? Может быть, маменька говорила тебе, что, когда ты развернёшь Черепаху, ты должен выцарапать

её из воды, а когда поймашь Ежа, ты должен бросить его прямо на панцирь?

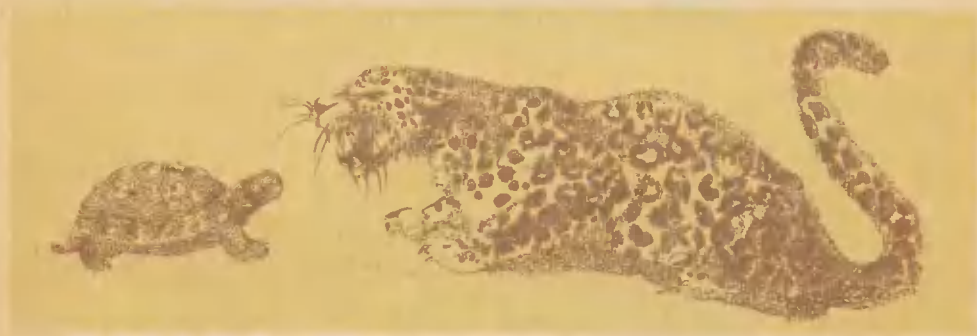
— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросила Черепаха Неспешная. — Уж не напутал ли ты? Может быть, она говорила тебе, что, когда ты смочишь водою Ежа, ты должен расцарапать его лапой, а когда встретишь Черепаху, ты должен снять с неё панцирь, чтобы она развернулась?

— Едва ли это так! — сказал Расписной Ягуар, но всё же опешил немного. — Будьте добры, повторите ещё раз, что вы сказали сейчас. И, если можно, яснее.

— Когда ты поцарапаешь воду когтями, налей её и разверни Ежом, — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Запомни это хорошенько, потому что это очень важно.

— Но, — сказала Черепаха Неспешная, — когда ты выцарапаешь воду из Ежа, ты должен полить этой водой Черепаху. Неужели ты и этого не знаешь?

— У меня от вашей путаницы даже пятна на спине заболели! — сказал Расписной

Ягуар. — Я не спрашиваю ваших советов, я только спрашиваю, кто из вас Ёж и кто Черепаха.

— Не скажу, — ответил Ёж. — Но если хочешь, изволь — попробуй-ка выцарапать меня из моего панциря.

— Ага! — сказал Расписной Ягуар. — Теперь я вижу, что ты Черепаха. Ты думала, что я не догадаюсь. А я догадался.

И хлопнул Ягуар лапой со всего размаха по Ежу как раз в ту минуту, когда Ёж свернулся клубком. И, конечно, в лапу Ягуара вонзились острые колючки Ежа. Это было бы, пожалуй, ещё ничего, но, к несчастью, Ягуар ударом лапы отбросил Ежа далеко-далеко в лес и не мог найти его в кустах, так как было очень темно. Тогда он сунул лапу себе в рот, но от этого иглы стали колоть ещё больше. От боли он долго не мог говорить, а когда заговорил, сказал:

— Теперь я вижу, то была совсем не Черепаха. Но как мне узнать, Черепаха ли это?

И он почесал затылок той лапой, которая не пострадала от колючек Ежа.

— Я и есть Черепаха, — призналась Неспешная. — Твоя матушка учила тебя правильно. Она сказала, что ты должен выцарапать меня лапой из панциря. Это верно. Ну, принимайся за дело!

— Только что ты говорила, что она говорила одно, а теперь ты говоришь, что она говорила другое! — сказал Ягуар, высасывая колючки из лапы.

— Ты говоришь, что я говорю, что она говорила другое, — сказала Черепаха. — Что ж из этого? Ведь если, как ты говоришь, я говорила, что она говорила то, что я говорила, то и выходит, что я говорила то, что говорила она. А если ты думаешь, что она говорила, будто ты должен развернуть меня лапой, а не бросать вместе с моим панцирем в воду, я здесь ни при чём, не правда ли?

— Но ведь только что ты сама говорила, что я должен выцарапать тебя лапой из твоей скорлупы, — сказал Расписной Ягуар.

— Подумай хорошенько, и ты поймёшь, что я этого никогда не говорила. Я только говорила, что твоя мама говорила, что ты должен содрать с меня когтями мой панцирь, — сказала Неспешная.

— А что будет, если я сдеру с тебя панцирь? — осторожно спросил Ягуар и потянул носом воздух.

— Не знаю, потому что до сих пор никто ещё не сдирал с меня панциря, но говорю тебе правду: если ты хочешь посмотреть, как я уплыву от тебя, — брось меня, пожалуйста, в воду.

— Я тебе не верю! — сказал Расписной Ягуар. — Мама моя говорила одно, а ты говорила, что она говорила другое, и теперь всё у меня так перепуталось, что я не знаю, где у меня хвост, где голова. А теперь ты сказала простые слова, которые я понимаю, и это путает меня больше всего. Мама учила меня, чтобы я бросил одного из вас в воду, и так как ты

говоришь, что тебе хочется в воду, ясно, что тебе не хочется в воду. Так прыгай же в мутную воду реки Амазонки. Живо!

— Хорошо, я прыгну, но знай: мама твоя будет очень недовольна. Пожалуйста, не говори ей, что я не говорила тебе, что она говорила...

— Если ты скажешь ещё хоть одно слово о том, что говорила моя мама!.. — вскричал Ягуар, но не успел договорить, потому что черепаха как ни в чём не бывало нырнула в мутную воду реки Амазонки. Долго она плыла под водою и выплыла на берег, где её ждал Злючка-Колючка Ёж.

— Мы чуть не погибли! — сказал Ёж. — Не нравится мне этот Расписной Ягуар. Что ты сказала ему о себе?

— Я сказала ему правду. Я честно сказала ему, что я Черепаха, но он не поверил, заставил меня прыгнуть в воду и очень удивился, увидев, что я и в самом деле Черепаха. Теперь он пошёл жаловаться маме. Ты слышишь?

Было слышно, как среди кустов и деревьев, над мутной рекой Амазонкой, ревёт Ягуар и зовёт к себе мать Ягуариху. И она пришла.

— Ах, сыночек, сыночек! — заговорила она, изящно помахивая грациозным хвостом. — Ты, кажется, делал такое, чего тебе не следовало делать.

— Я встретил над рекою одну зверюшку и хотел выцарапать её из-под панциря; она сама сказала, что ей хочется этого, и вот теперь у меня вся лапа в зано-о-о-зах!

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — По этим занозам, которые впились в твою лапу, я вижу, что то был Ёж. Тебе следовало кинуть его в воду.

— В воду я кинул другого зверька. Он сказал, что его зовут Черепаха, но я не поверил ему. Оказывается, то и вправду была Черепаха. Она нырнула в воду, в мутную реку Амазонку, и больше я не видел её. И вот я остался голодный и думаю, что нам нужно переселиться отсюда в другие места. Здесь, на мутной реке Амазонке, все звери такие умные. Мне, бедному, не справиться с ними.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала его мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — Слушай внимательно и запомни, что я скажу. Ёж свёртывается в клубок, и его колючки торчат во все стороны. По этой примете ты всегда узнаешь Ежа.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Что ещё она скажет ему?

— А Черепаха не может сворачиваться, — продолжала Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Черепаха втягивает голову и ноги под панцирь. По этой примете ты всегда узнаешь Черепаху.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказала Черепаха Неспешная. — Даже Расписной Ягуар и тот не забудет такого

простого урока. Ах, Злючка-Колючка, как жаль, что ты не умеешь плавать!

— Полно тужить обо мне, — отозвался Злючка-Колючка. — Тебе тоже кое-чего не хватает. Подумай: как было бы чудесно, если бы ты умела сворачиваться в клубок! Ах, в какую беду мы попали! Прислушайся, что говорит Ягуар!

А Расписной Ягуар сидел над мутной рекой Амазонкой, высасывал из лапы колючки и бормотал про себя:

Кто свернётся клубком,
Тот зовётся Ежом.
Кто в воде поплывёт,
Черепашой сльвёт.

— Этого он никогда не забудет, даже после дождика в четверг, — сказал Ёж. — Поддержи меня за подбородок, Неспешная, — я хочу научиться плавать. Это может пригодиться потом.

— С удовольствием! — сказала Черепаха.

И она поддержала Колючку за подбородок, покуда Колючка барахтался в мутной реке Амазонке.

— Из тебя выйдет отличный пловец! — сказала она Ежу. — А теперь, будь так добр, распусти у меня на спине те шнурки, которыми стянут мой панцирь, — я попробую свернуться в клубок.

Злючка-Колючка Ёж распустил на спине у Черепахи шнурки, и Черепаха стала так ёжиться и корчиться, что ей наконец удалось чуть-чуть согнуться — не совсем, а чуть-чуть.

— Очень хорошо! — сказал Ёж. — Но довольно, больше не надо. У тебя даже лицо посинело. А теперь, пожалуйста, поддержи меня в воде ещё разок! Я попробую плавать боком. Ты говорила, что это очень легко.

И Ёж опять пустился вплавь. Это был его второй урок. Черепаха плыла рядом с ним.

— Очень хорошо! — сказала она. — Ещё немного, и ты будешь плавать не хуже Кита. А теперь, будь так добр, распусти-ка шнурки в моём панцире ещё на две дырочки, я попробую наклониться вперёд. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

— Очень хорошо! — воскликнул Ёж, весь мокрый после купанья в мутной реке Амазонке. — Ты сворачиваешься так хорошо — ну совсем как мои братья и сёстры. Две дырочки, ты говоришь? Ладно, только не нужно так громко

пыхтеть, а то услышит Расписной Ягуар. Смелее! Когда ты кончишь, я попробую нырнуть и подольше продержаться под водою. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Но как сдвинулись щитки у тебя на панцире! Прежде они были рядом, а теперь один на другом.

— Это оттого, что я сворачиваюсь, — сказала Черепаха. — Да и с тобою произошла перемена. Прежде ты был похож на каштановый орех, а теперь сделался как еловая шишка. Все колючки склеились и стали чешуйками.

— Неужели? — воскликнул Ёж. — Это оттого, что я вымок в воде. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

Так до самого утра они помогали друг другу, а когда солнце поднялось высоко над землёй, они сели отдохнуть и обсушиться. И, глядя друг на друга, заметили, что стали совсем на себя не похожи.

Потом они позавтракали, и Черепаха сказала:

— Милый Ёж, я уже не такая, какая была вчера. Но я думаю, что теперь мне удастся позабавить Ягуара как следует.

— Я как раз хотел сказать то же самое, слово в слово! — воскликнул Ёж. — По-моему, чешуя лучше всяких колючек, к тому же я теперь умею плавать. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Пойдём и найдём его.

Вскоре они нашли Ягуара. Он всё ещё возился со своей раненой лапой. Когда они предстали перед ним, он так удивился, что стал пятиться назад и три раза перекувырнулся через свой собственный хвост.

— Доброе утро! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Как бесценное здоровье вашей маменьки?

— Благодарю вас, она в добром здоровье, — ответил Ягуар. — Но не взыщите, пожалуйста, я плохо помню ваши имена.

— Ах, какой вы нелюбезный! — сказал Ёж. — Ведь только вчера вы пытались выцарапать меня из панциря...

— Но вчера у тебя не было панциря — вчера ты был весь в иголках. Кому же это и знать, как не мне? Посмотри-ка на мою лапу!

— Только вчера, — сказала Черепаха, — вы велели мне броситься в воду, чтобы я утонула в мутной реке Амазонке, а сегодня и знать меня не хотите. Вот какой вы грубый и забывчивый!

— Неужели вы забыли, что сказала вам ваша мамаша? — спросил Злючка-Колючка Ёж. — Ведь она ясно сказала вам:

Кто свернётся клубком,
Черепашкой сльвёт,
Кто в воде поплывёт,
Тот зовётся Ежом.

Тут они оба свернулись клубками и как пошли кататься вокруг Ягуара — катались, катались, катались... У того даже глаза закрылись, словно колёса в повозке.

Он убежал и позвал свою мать.

— Мама, — сказал он, — там в лесу какие-то невиданные новые звери! Про одного ты сказала, что он не умеет плавать, а он плавает. Про другого ты сказала, что он не умеет сворачиваться, а он сворачивается. И, кажется, они поделились одеждой. Прежде один был гладенький, а другой колючий, а теперь оба они

в чешуе. Кроме того, они так кружатся, кружатся, кружатся, что у меня голова закружилась.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Ёж — это Ёж, и чем же ему быть, как не Ежом? Черепаха — это Черепаха и останется всегда Черепахой!

— Но это совсем не Ёж! И совсем не Черепаха! Это немножко Ёж и немножко Черепаха, а как оно зовётся — я не знаю.

— Пустяки! — сказала мать Ягуариха. — У всякого должно быть своё имя. Я буду звать этого зверя Броненосец, покуда для него не найдётся настоящего имени. И на твоём месте я оставила бы его в покое.

Ягуар поступил так, как ему было сказано; особенно свято выполнил он наставление маменьки — оставить этого зверя в покое. Но удивительнее всего то, милый мальчик, что на мутной реке Амазонке с того самого дня до сих пор Злючку-Колючку Ежа и Черепаху Неспешную все так и называют Броненосцем. Конечно, в других местах есть по-прежнему Ежи и Черепахи (есть они и у меня в саду), но лучшие, умнейшие из них — старинные Ежи и Черепахи, покрытые щитками, как еловые шишки, те самые, что в Далёкие Дни жили на мутных берегах Амазонки, — те всегда зовутся Броненосцами, потому что они такие разумные.

Чего же тебе ещё, милый мальчик? Всё устроилось отлично, не правда ли?

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОНЕНОК	3
ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ БРОНЕНОСЦЫ	19

Для начальной школы

Редьярд Киплинг

С Л О Н Е Н О К

Ответственный редактор И. Г. Одоевцева.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Э. П. Кореньюк.
Корректоры К. Д. Немковская и Л. Л. Бубнова.

ИБ 1841

Сдано в набор 18/VIII 1976 г. Подписано к печати 13/1 1977 г. Формат 70 × 100^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2, 6. Уч.-изд. л. 1,48. Тираж 1 500 000 (1—500 000) экз. Заказ № 254. Цена 10 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «Читаем сами». В 1977 году выходят книги:

Богданов М.
ВОЙНА СОРОК С ЛИСИЦАМИ
Сказки

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ
Рассказы, стихи, сказки

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ
Сказки

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ
Рассказы, стихи, сказки

**ОДНО ДЕЛО ДЕЛАЕШЬ,
ДРУГОГО НЕ ПОРТЬ**
Пословицы в рассказах

Одоевский В.
ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ
Сказки

ОХОТНИК ДО СКАЗОК
Сказки

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ
Рассказы, стихи, сказки

Толстой Л.
**СКУЧЕН ДЕНЬ ДО ВЕЧЕРА,
КОЛИ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО**
Рассказы

Толстой Л.
ПРЫЖОК
Рассказы

Ушинский К.
СУМКА ПОЧТАЛЬОНА
Рассказы